

НАСТОЯЩИЙ КЕЙНСИАНЕЦ

Комментарий к публикации статьи С. Дзарасова

Американский журнал *Post Keynesian economics* опубликовал концептуальную статью российского экономиста Солтана Дзарасова “Посткейнсианская альтернатива российской экономической системы”. Примечательно, что это единственная публикация российского автора-политэконома в этом уважаемом издании.

Статья Дзарасова содержит девять теоретических тезисов, доказывающих несостоятельность неолиберального мейнстрима на опыте монетаристских реформ в нашем отечестве, равно как и бесплодность англосаксонской модели капитализма, перенесённой на российскую почву. Вывод автора: “Единственный в истории прецедент создания рынка и капитализма по чертежам либерализма провалился”.

Солтан Сафарбиевич Дзарасов – человек удивительной судьбы. В молодые годы выпускнику экономического факультета довелось возглавить отстающий колхоз в родном осетинском селении Чикола, а в зрелые – по-английски читать лекции в университете Кембриджа.

Солтан Дзарасов – из “последних могикан” отечественной политической экономии. Автор прагматичного проекта конвертируемости рубля, получившего одну из первых премий конкурса Фонда Ферса (1989). Известный американский предприниматель-филантроп привлёк к мозговому штурму сотни экономистов, приславших свои проекты из разных стран. Увы, в атмосфере “перестроечной” стерилии проект Дзарасова не был востребован. Весь содержательный “банк идей” Фонда Ферса оказался обузой “новомышленцам” Старой площади. Мнимые их оппоненты из “демократов” тоже были себе на уме. В “Известиях” и других “прогрессивных” СМИ инициатива “стороннего” фонда и компетентность жюри конкурса во главе с Нобелевским лауреатом Василием Леонтьевым были ошельмованы записными “рыночниками” как “уличными”, так и с академическими званиями.

По иронии судьбы, впоследствии прорвавшаяся во власть ватага “младореформаторов” – служек *Вашингтонского консенсуса* – сподобилась одним махом убить рубль и разрушить доставшуюся в наследство от СССР денежно-кредитную систему.

По мнению многих коллег-экономистов, Солтан Дзарасов воплощал присущий отечественной традиции склад личности учёного, для которого совесть, убеждения и свободомыслие – ценности, которыми нельзя поступиться. Неспроста вместе с видными интеллектуалами демократических убеждений Дзарасов создавал “Московскую трибуну”, которая на заре перестройки была у всех на слуху. Символ веры идеологов “Московской трибуны” – идеи конвергенции как способа выхода противоборствующих сверхдержав из тупика ядерного “равновесия страха”. Концепция конвергенции исходила из необходимости и гипотетической возможности сближения двух конкурирующих общественных систем. В сфере экономики подразумевалось соединение сильных сторон рыночного и планового хозяйства. Среди поборников конвергенции были выдающиеся экономисты Джон Кеннет Гэлбрейт и Станислав Меншиков.

Однако в реальности изнанка *большой политики* оказалась слишком непрезентабельной. Верх одержали вероломство, политиканство и ренегатство... Солтан Дзарасов оказался единственным из известных авторов политических памфлетов “культового” сборника “Иного не дано!” (1988), кто решительно размежевался со вчерашними сподвижниками. Сахаровский “социализм с человеческим лицом” обернулся фантазмагорией воскресшего на российской

почве мрачного “манчестерского капитализма”, меж тем как идеи конвергенции куда-то улетучились.

“Западнизм”, по определению Александра Зиновьева, ненароком стал новым исповеданием расстриг из цэковской партноменклатуры. Соблазны “общества потребления” восторжествовали над идеализмом “шестидесятников”. “Адам Смит шагает по Москве” — ярмарочный завлекательный посыл американской идеологической интервенции нарасхват. Янки при дворе царя Бориса распоясались не на шутку, ловко переставляя ноги “младореформаторам”.

В Белокаменную нагрянули, к восторгу неофитов, “либерализм” и химерические идеи “свободного рынка” в духе Августа фон Хайека. Благие порывы горбачёвской “перестройки” оказались осмеяны и позабыты. Бывшие партийные издания и академические институты под конец смуты впали в раж антикоммунизма. И великая страна пошла в разнос... Вчерашние ревнители марксизма наперегонки перебежали на сторону нового буржуазного “мейнстрима”.

Горская пословица гласит: в чьей арбе едешь, того песни и пой. Напротив, Солтан Дзарасов шёл своей дорогой. Он зорко распознал идеологическую подмену, профанацию рыночной реформы и гибельные последствия *Вашингтонского консенсуса*. Задолго до августовской катастрофы 1991 года учёный предупреждал, что дело идёт к сносу не “тоталитарного режима”, а самой государственности. И снова очутился в “еретиках”, на этот раз в стане “демократов”, справлявших тризну по “Капиталу” Карла Маркса.

Антикоммунистический переворот 1991–1993 годов на острый, пронизательный взгляд Дзарасова-экономиста, явился не чем иным, как “восстанием криминального сектора (“теневики”) экономики СССР, переживавшей кризис, против государства”. Остриём он был направлен не только против плановой экономики, а именно против государства! Нелицеприятную правоту этого обличения оспорить мудрено. И впрямь восстановление институтов российской государственности даже сегодня, после крымского разворота, далеко ещё не завершено...

В одной из своих научных работ Дзарасов по-своему определил сущность ельцинизма, назвав его анархо-либерализмом. Ущербное “институциональное” наследие этого исторического зигзага не изжито, несмотря на державную риторику Кремля и прочие строгости “властной вертикали”. Государство в нынешнем его состоянии не “исполнительный комитет буржуазии”, а скорее совокупность вотчин “сырьевиков”, банкиров с их ростовщической маржой и бенефициаров пресловутой “административной ренты”. По жёсткому определению Дзарасова, это и есть образчик “периферийного капитализма”. Такое незавидное, навязанное России место в мировом разделении труда несовместимо с идеей развития и модернизации экономики.

В Кембридже — оплоте британских неокейсианцев — профессор Дзарасов на протяжении ряда лет участвовал в научных дискуссиях экономистов, занимающих позиции по ту сторону либерального мейнстрима на Западе. Труды Маркса, Кейнса, Калицкого — первоисточники теоретических построений Дзарасова, глубоко и нелицеприятно осмыслившего и противоречия советского социализма, и сокрушительные последствия нелиберальной псевдореформации новой России. Его выстраданные, неотразимые девять тезисов статьи в американском посткейнсианском журнале созвучны мыслям многих наших соотечественников, чуждых ультралиберальной, лукавой и беспомощной “казённой” ортодоксии.

“Куда Кейнс зовёт Россию?” — название последней книги, вышедшей при жизни Дзарасова, макроэкономиста и публициста. Она написана на злобу дня, но содержит глубокие и недвусмысленные выводы и уроки из безвременья 90-х и обольщений “тучных” нулевых.

Солтан Дзарасов длительное время возглавлял кафедру политической экономики Российской Академии Наук. На этом поприще он последовательно отстаивал и творчески развивал идейное наследие экономической школы Московского университета. Теоретические основы её создал его наставник Николай Александрович Цаголов. Выдающийся учёный, но широко известный как автор “Курса политической экономики”. Не одно поколение студентов экономических факультетов постигали марксову теорию стоимости по этому учебнику. Н. А. Цаголов подвергался неистовым нападкам догматиков от марксизма, уличавших его в “ревизионизме”. На самом деле учёный всецело посвятил себя поиску “экономической клеточки социализма” подобно тому, как Маркс раскрыл природу товарного хозяйства и прибавочной стоимости

при капитализме. Цаголов ратовал за разработку “зрелой” политэкономии социализма в коренном отличии её от “описательной”, безмерно идеологизированной. Теоретические поиски Н. А. Цаголова опередили его время...

Солтан Дзарасов продолжил дело своего учителя в новых исторических обстоятельствах, когда “Капитал” Маркса, по сути, был вытеснен из образовательных программ. Увы, заёмный, вульгарный рыночный фундаментализм, который Джон Гэлбрейт в насмешку прозвал “выгодным верованием”, причинил немалый урон экономическому образованию в высшей школе. Чтобы восполнить этот урон, отстоять достоинство и достоверность научного знания об экономике, Дзарасов задумал и написал новый учебник политэкономии. В нём изложены современные концепции мировых экономических систем и научных школ. Завершённая рукопись труда учёного-подвижника ещё ждёт своего издателя.

Солтан Дзарасов и в преклонные годы сохранял остроту ума и полемический дар. Судьба распорядилась так, что в последние часы своей жизни он участвовал в острой дискуссии коллег-экономистов в стенах Государственной Думы. И вновь отстаивал свою непреклонную позицию, альтернативную “либеральному” мейнстриму.

Девять основополагающих тезисов, которые Дзарасов опубликовал в журнале американских неокейнсианцев, воспринимаются так, словно они написаны сегодня, хотя прошли годы.

Солтан Дзарасов досадовал, что “Трактат о деньгах” Джона Мейнарда Кейнса до сих пор не переведён на русский язык. Неокейнсианство, развитое и влиятельное на Западе направление экономической мысли и политики, в сегодняшней России находится в тени. Не ко двору оно пришлось тем, кто вверг экономику в очередной кризис, и не чают они, как из него выбраться...

Когда читаешь книги и публицистику Солтана Дзарасова, подмечаешь, что он не стремится непременно обратить самостоятельно мыслящего читателя в свою веру. Он всегда был привержен научной этике, присущей настоящим неокейнсианцам. Вот он и предлагает нам рассудить по-своему, самостоятельно осмыслить и разрешить дилемму: *“неолиберальная ортодоксия настолько лучше (или хуже) марксистской ортодоксии, насколько советский социализм лучше (или хуже) сложившегося у нас капитализма”*.

Валерий Бадов, Владимир Попов

СОЛТАН ДЗАРАСОВ

БАНКРОТСТВО ЛИБЕРАЛИЗМА, “КОТОРОМУ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ”...

Посткейнсианская альтернатива российской экономической системы

I.

В декабре 1971 года на 84-ой ежегодной встрече Американской ассоциации экономистов известный профессор Кембриджского университета (Великобритания) Дж. Робинсон выступила с докладом на тему: “Второй кризис экономической теории”. Она утверждала, что неспособность предсказать и объяснить Великую депрессию 1929–1933 годов показала **первый кризис** экономической теории, а тогдашняя (имелось в виду начало 70-х годов) неспособность неолиберальной (неоклассической) ортодоксии постичь ход и перспективы современного общества кладёт начало **второму кризису**. “Вероятно, это приведёт к кризису т. н. экономики свободного предпринимательства”.

тельства... Я говорю об очевидном банкротстве экономической теории, которой во второй раз нечего сказать по вопросам, в ответах на которые все, за исключением экономистов, нуждаются самым настоятельным образом” (J. Robinson, 1972, p. 9-10).

Годы спустя то же самое утверждал другой известный представитель посткейнсианского направления – американский профессор П. Давидсон – в работе 1990 года. Его предсказание оказалось пророческим. В наши дни очевидна ответственность неолиберальной ортодоксии за то, что теорией общего равновесия и так называемой “оптимальностью по Парето” она закрывала глаза на возможность наступления современного кризиса.

Неолиберальная ортодоксия пуще марксистской...

Однако при всей значимости этих предсказаний, у проблемы “теория – кризис” есть ещё другая, ещё более важная сторона, которая не привлекает внимания западных экономистов. Это последствия применения неолиберальной ортодоксии и модели рынка в государствах бывшего СССР. Нигде раньше капитализм не создавался по заранее разработанным чертежам. Нигде раньше неолиберальная теория не прошла такую экспериментальную проверку, как у нас. Капитализм везде возник спонтанно в начале у одних, затем у других народов. Этот естественно длившийся на протяжении столетий процесс был предметом анализа различных школ экономической мысли, каждая из которых претендовала на то, что именно она наиболее адекватно отражает реальность.

Уникальность российского опыта – в единственном в истории прецеденте создания рынка и капитализма по чертежам неолиберализма. Неокейнсианская теория прошла у нас проверку экспериментом на живом теле экономики. И каков же результат?.. Факты и цифры говорят сами за себя. На мой взгляд, они дают основание для недвусмысленного исторического приговора. **Неолиберальная ортодоксия настолько лучше (или хуже) марксистской ортодоксии, насколько советский социализм лучше (или хуже) сложившегося у нас капитализма.**

Вопрос – ребром. Если вынести его на суд российской общественности, то уверен, что подавляющее большинство скажет, что такого пошиба капитализмом оно разочаровано ещё больше, чем ушедшим социализмом. Вину за постигшее нас горькое разочарование я нахожу в неолиберальной теории. Мы приняли этот залежалый товар лишь из-за обманчиво завлекательной упаковки. Между тем, мировая экономическая мысль чрезвычайно богата и разнолика. За фасадом сомнительных экономических моделей, что рекламируются для сбыта за рубеж, остаются бесценные идейные бриллианты. Чтобы их найти, пытливому уму надо просеять немало теоретической “руды”. К сожалению, в России эту нелёгкую работу над альтернативной экономической теорией никто не финансирует. Её приходится вести на свой страх и риск учёным, движимым профессиональным интересом и чувством гражданской ответственности.

Наряду с сохранением всего лучшего из творческого наследия советской политекономии, нам следует более разборчиво подходить к тому, что принимать из мировой науки. Имеется в виду экономическая теория, отвечающая интересам не только олигархической верхушки, но и всей страны и всего народа. Таковым мне представляется **посткейнсианский подход**. Разумеется, он будет продуктивен лишь при условии дополнения его отечественными разработками, обобщающими наш собственный опыт.

В советской практике государственного регулирования и планирования было много негативного, но, как теперь ясно, – и немало и позитивного. Требуется работа, подобная той, которую в агротехнике принято называть “районированием сорта” – приспособлением его к иным почвенно-климатическим условиям. Российская почва глубоко отлична от англо-американской, следовательно, приспособление посткейнсианства к нашим условиям является серьёзной самостоятельной проблемой, которой и посвящена данная статья.

Рай находится за углом...

Финансово-экономический кризис лета 2008 года свалился на нас как снег на голову. После того как с помпой проводились либеральные реформы, породившие ожидания райского будущего, его мало кто ожидал. Ведь ложным

был признан путь планового ведения экономики, а переход к рынку был объявлен благом возвратом России в лоно западной цивилизации. Кризис в таких условиях был исключён.

В начале 90-х годов растерявшиеся после краха коммунизма правительства постсоветских государств обратились за помощью в проведении экономических реформ к администрации США и МВФ. Наставники неофитов либерализма в правительстве Ельцина предложили нам неолиберальную концепцию реформ, которая должна была гарантировать быстрое достижение западного уровня экономического развития и уровня жизни.

Дело было передано в руки заместителя министра финансов США Лоуренса Саммерса. Под его началом был предпринят крестовый поход ортодоксии в наши страны. В Россию была направлена армада западных “миссионеров”, мало знавших о её экономике, но исполненных решимости обратить нас из плановой в рыночную “веру”. При этом *крестоносцев новой веры* мнение российских граждан, их согласие или несогласие расстаться со своими правами нисколько не интересовало.

Прыжок к англо-саксонской модели рынка в гигантской стране с разнообразными условиями, народами и расами, веками жившими без развитых рыночных традиций, было решено совершить одним махом в считанные дни (программа “500 дней”). “Прыжок” через воображаемую пропасть получил кодовое название “шоковой терапии”. На поверку эта авантюра означала насильственный способ утверждения рынка по принципам *laissez-faire*.

Возражения, что навязывание не подходящей нам модели экономики, да ещё с такой заполошностью приведёт к плачевному результату, встречались в штывы и отвергались как проявление марксистского догматизма. Ссылки на опыт кейнсианского регулирования экономики в первые десятилетия после войны, заглушались барабанным боем пропагандистской кампании, в которой рынок изображали волшебной лампой Алладина, способной в кратчайший срок поднять экономику и благосостояние народа на самый высокий уровень. Будущее рисовалось так, что рай находится буквально за углом. Чтобы оказаться там, уверяли публику, особого труда не нужно, кроме как отказаться от всего советского наследия – идей, традиций, ценностей, сбережений – и без оглядки уверовать в либеральные рыночные премудрости.

На Западе либерализацию России изображали как искупительное цивилизованное благо. При этом напрочь игнорировалась совместимость “либерализма” самого крайнего толка с культурно-историческими основами страны. Дело в том, что в отечественной культуре нет традиций цивилизованного рынка и частного предпринимательства, и это наложило свой отпечаток на то, как мы оценивали существовавшие у нас институты. У нас глубоко укоренилось отношение к общественной собственности как к неприкосновенной основе общего блага. Всякое посягательство на неё считалось преступлением. Рядовые граждане были шокированы тем, что спевшаяся с криминалом бывшая советская бюрократия беспардонно растаскивала то, что вчера мы все вместе считали неприкосновенным. Нужно было решиться на Великий Отказ и без оглядки уверовать в него.

Что уж там, мы всегда завидовали западной демократии и хотели создать её у себя. Но это никак не относилось к частной собственности – её мы отвергали как зло. Все оппозиционные группировки внутри правящей Коммунистической партии возникали с требованиями демократии. Диссиденты брежневского периода требовали соблюдения конституционных прав граждан. А. Сахаров говорил о необходимости конвергенции двух систем, соединении советского планирования с западной парламентской демократией. Но никто не требовал восстановления института частной собственности. Лишь в разгар “горбачёвской перестройки” это требование уже проклюнулось. Но никто не мог себе представить, чтобы созданные трудом многих поколений богатства росчерком пера одного сидящего в Кремле самодура могут быть отданы кому попало. Общественное мнение стало прозревать... Российский парламент был расстрелян в октябре 1993 года. Именно потому, что демократически избранные представители народа воспротивились криминальной приватизации.

Российские олигархи, всего несколько кланов, прибравшие к рукам национальное богатство России, – это совсем другой социальный типаж, нежели те частные собственники, о которых писал И. Шумпетер как о новаторах

и “движителей прогресса”. В итоге их почти двадцатилетнего хозяйничанья российская экономика оказались в трясине самого глубокого и длительного кризиса за всю свою историю. По признанию одного из новых собственников обвальная приватизация, национальная экономика их интересовала не более, “чем поле для охоты и сбора трофеев”.

Морок Вашингтонского консенсуса

В последнее время либеральные масс-медиа и целый сонм прислуживающих олигархии экономистов предприняли новую атаку на общественное мнение, оправдывая “прекрасные и мучительные лихие 90-е”. Дескать, грехи отчаянных голов–реформаторов” искуплены, национальные преобразования наконец-то принесли плоды. Эта концепция начисто лишена оснований. Практика показывает разительный контраст между динамикой экономического роста стран, принявших условия *Вашингтонского консенсуса* (Россия, Украина, Грузия, Киргизстан), и стран, которые не приняли эти условия, а пошли по пути разработки и осуществления собственной модели развития (Китай, Индия, Вьетнам).

Мы отмечаем стремительный подъём экономики стран, развивающихся в рамках альтернативной нелиберальной модели. Так, к 2007 году по сравнению с 1990 годом ВВП вырос в Китае в 3,5, Вьетнаме в 3, Индии 2,4 раза.

Возникший у нас капитализм внешне сходен с оригиналом, но глубоко отличается от него приобретёнными свойствами. Он носит ярко выраженный мафиозный характер. Созданные на пустом месте частные собственники никаких предпринимательских, а тем более новаторских талантов не обнаружили. Наши нувориши выказали проворство в искусстве махинаций и насильственных способов захвата чужого добра. Они чуждаются западных ноу-хау в менеджменте, им более по душе то, что называется “авантюрный бизнес” (gamble business).

Конечно, в России тоже есть честные предприниматели, трудом и смекалкой поддерживающие бизнес и законно получающие свой доход. Но число их невелико. В основном же крупные российские фирмы – государства в государстве, над которыми федеральный центр имеет ограниченный контроль. Происходящее внутри ограждено от внешнего мира железным занавесом. Каждая крупная фирма имеет вооружённую охрану, похожую на дружины средневековых феодалов. Много раз мы были свидетелями насильственных захватов вооружённой охраной олигархов имущества других компаний, которые прикрывались фиговым листком купленного за взятку судебного решения.

Есть ли способ обуздать “дикий капитализм”, выйти в парадигму не грабежа природных богатств, а действительного экономического роста? Да. На мой взгляд, такое средство существует. Сегодня нет ничего важнее, чем альтернативная теоретическая концепция, адекватно объясняющая нашу ситуацию и выдвигающая иную парадигму экономического роста.

Во власти “длинношеих жирафов”

Типичный русский не верит, что собственным трудом можно нажить очень большое состояние, а нетрудовые способы наживы он считает злом. Такова неискоренимая из нашего сознания православная и мусульманская этика. Какие бы благоденствия ни приписывали неолиберальные теоретики’ принципу *laissez-faire*, большинством нашего населения он воспринимается как требование свободы зла и насилия над людьми. Коммунизм нам импонировал тем, что был альтернативой несправедливому распределению богатства в капиталистическом обществе. Коммунизма теперь нет, но мы остались со своим, отличным от западного понимания того, что справедливо, а что нет. В этом, на мой взгляд, причина того, что основанная на неприемлемых для нас ценностях система ведения хозяйства не могла и не может у нас прижиться. Это стало особенно ясно в свете последнего мирового кризиса. На мой взгляд, он явился результатом отказа правящих классов западных стран от кейнсианской модели регулирования экономики и перехода к одиозной практике всё дозволяющего рейганизма и тэтчеризма, вновь восславивших “золотого тельца”.

Следуя устаревшему принципу *laissez-faire*, капитализм не только не способен поддерживать равновесие и стабильность, но будет впадать в состояние постоянной неустойчивости. В *Общей теории* Кейнс утверждал, что определённые различия в имущественном положении людей являются естественными, но добавлял: “не столь большие, как сейчас”. Он подчёркивал необходимость уменьшения таких неравенств и ослабления социальной напряжённости в обществе.

В высшей степени интересно рассмотреть, что побудило Кейнса прийти к этому выводу. Задолго до *Общей теории* эта идея получила фундаментальное обоснование в его работе “Конец лессе фер”, написанной после первого посещения Кейнсом СССР в 1925 году. Помимо встреч в академических кругах, Кейнс имел также в СССР встречи с рядом высших руководителей страны и выступал в советском Госплане с докладом об экономических преобразованиях в Англии.

Как бы теперь ни оценивался советский опыт, он был альтернативой капитализму, и в то время вызывал восхищение многих выдающихся деятелей мира, в том числе из окружения Кейнса: Герберта Уэллса, Бернарда Шоу, супругов Вэбб. Их впечатления впоследствии вылились в английской печати в дискуссию на тему: “Является ли советский коммунизм новой цивилизацией?” Кейнс тоже не мог не задумываться над этим, и ответ его был отрицательным. Свои впечатления от пребывания в СССР он изложил в специальной работе “Близкий взгляд на Россию”. Между этим очерком и написанной вслед за ним “Конец лессе фер” я нахожу непосредственную связь. Кейнс более тонко, чем другие, указал Западу на двоякую опасность, исходящую от советского коммунизма.

“Мы так ненавидим коммунизм, — говорил Кейнс, — что рассматриваем его как религию, а находясь под впечатлением его неэффективности, недооцениваем как религию”. Не могу сказать, насколько сам Кейнс был свободен от такой предвзятости, но опасность для Запада советской практики ликвидации имущественного неравенства, как видно, он в полной мере осознал. Во всяком случае, при чтении его работ этот мотив чётко просматривается. Обобщая опыт русской революции под углом зрения западных интересов, Кейнс писал: “Теоретически, по крайней мере, я не верю, что есть какое-либо улучшение экономики, для которого революция является необходимым инструментом. С другой стороны, мы можем всё потерять методом насильственных изменений. В условиях западного индустриального общества тактика красной революции свергла бы всё население в бездну нищеты и гибели”.

На мой взгляд, этим объясняется решительная позиция Кейнса по щекотливому для капитализма вопросу о распределении национального богатства. За несколько лет до Великой депрессии 1929–1933 годов он образно показал, какую опасность несёт капитализму усиление имущественного неравенства и обострение не этой почве социальной напряжённости. Имея в виду теорию *laissez-faire*, Кейнс писал: “Идеальное распределение производственных ресурсов, которые движутся в ложном направлении, может быть осуществлено через независимую деятельность. Это подразумевает, что не должно быть жалости или защиты для тех, кто направил свой капитал или свой труд по ложному пути. Этот метод выдвижения наверх удачливых охотников за прибылью в ходе безжалостной борьбы за существование, которая отбирает самых эффективных за счёт банкротства менее эффективных. Он не принимает во внимание цену борьбы, а видит только выгоды конечного результата, которые предполагаются всегда постоянными”. Кейнс для иллюстрации своей концепции прибегает к метафоре: “Если целью жизни является обрезание листьев с веток на наибольшей высоте, самый подходящий путь достижения этого — предоставить самым длинношеим жирафам возможность умерить голодом тех, чьи шеи короче”.

Если рынок оставить во власти произвола “длинношеих жирафов”, то процветание одних достигается за счёт гибели других. Таков капитализм по определению. Либеральные теоретики отстаивают, увы, именно такое образно выраженное Кейнсом понимание капитализма. “Длинношеи жирафы” должны иметь волю поживиться сколько влезет, а “короткошеих” можно топтать ногами. Потому-то современные либералы против того, чтобы в джунглях конкуренции кто-то посторонний строил какие-либо приспособления, позволяющие “короткошеим жирафам” получить равный с “длинношеими” доступ к источни-

кам существования. Под этими вмешательствами в стихию рынка подразумеваются государственные и иные институты регулирования экономики в интересах общества в целом. Либералы ожесточены против перераспределения, в особенности – распределения национального продукта.

II.

Посткейнсианство за семью печатями...

Главная причина, по которой посткейнсианство, на мой взгляд, заслуживает нашего внимания, состоит в том, что учение это исходит из допустимости иной модели экономики, нежели та, которая известна как англо-американская и рассматривается неолиберальной ортодоксией в качестве классической. Ортодоксия основывается на том, что рисуемый ею капитализм настолько хорош и совершенен, что альтернативы никакой быть не может по определению. Посткейнсианство не считает капитализм настолько совершенным, что в нём ничего не надо менять.

Предвзятости либерального мейнстрима посткейнсианство противопоставляет объективный анализ реальной ситуации. Для этого оно разработало особый экономико-философский подход – **методологию критического реализма**, которой коснёмся ниже. Пока отметим только, что с его помощью посткейнсианство даёт решения, альтернативные как рыночному фундаментализму, так и бюрократическому централизму плановой экономики. Посткейнсианство, таким образом, является теорией Третьего пути. В этом и ценность его в нашем независимом положении.

В *Общей теории* Кейнса обосновывается необходимость регулирования экономики. Ещё большее значение для нас имеет то, что она является невольным признанием **ценности нашего собственного опыта**. В рамках кейнсианского регулирования капитализм заимствовал определённые черты социализма. Своейственному социализму непрерывного роста экономики, конечно, не было, фазы спада даже участились, но перестали быть глубокими (что немаловажно!), а занятость хотя и не стала всеобщей, но по кейнсианским рецептам поддерживалась на необычном для капитализма высоком уровне. На основе повышения доходов населения возросла доля среднего слоя, а стимулирование экономического роста путём накачивания совокупного спроса было общим свойством кейнсианского капитализма и планового социализма.

То, что посткейнсианство сегодня не принадлежит мейнстриму, а выступает его альтернативой, в наших глазах является несомненным достоинством. Во-первых, потому что оно опирается на унаследованный от прошлого богатый теоретический потенциал классической политической экономии; во-вторых, потому что, благодаря своей неангажированности, сохранило способность критически оценивать и наиболее реалистично освещать происходящие социально-экономические явления.

Для понимания потенциала посткейнсианства важно учесть, что, хотя его связь с Кейнсом является так сказать первородной, но в процессе развития оно вышло далеко за пределы наследия основателя. Это стало тем более необходимым, что Кейнс не был до конца последовательным в своём новаторстве. Его трактовка, например, таких важных проблем, как цена и деньги сильно отдаёт духом неоклассической теории.

В этой связи большой интерес представляет данная Бадури оценка вклада М. Калецкого в кейнсианскую теорию: “Отталкиваясь от Маркса, Калецкий не только независимо открыл большинство основных положений кейнсианской теории, но также изложил их с поразительной ясностью вплоть до такой группы проблем, интерпретации которых предпочитало избегать общепринятое кейнсианство. Последнее было удовлетворено той идеей, что государство может управлять экономикой, и распространяло подход с позиций государственно управляемого капитализма, предполагающий сотрудничество, а не конфликт соперничающих классов. В работах Калецкого не было места подобному прекрасному доводу. Он осознавал, что концепция капитализма, основанная на сотрудничестве, была чревата появлением проблем в долгосрочном периоде времени, по мере проявления классовых конфликтов. Он предупредил нас об этом в своей теории политического бизнес-цикла”.

В том же духе высказывается Дж. Робинсон: “Мы теперь имеем основную концепцию долгосрочного и краткосрочного анализа, которая даёт нам возможность связать воедино Маркса, Кейнса и Калецкого и применить это к современной ситуации”.

Преимущества дополнения потенциала посткейнсианства за счёт Маркса и Калецкого стали особенно ясными в ходе развернувшейся в 60-е и 70-е годы дискуссии по теории капитала, которая вращалась вокруг проблем природы прибыли и сущности технологического выбора. В ходе дискуссии посткейнсианцы ощутили себя не только самостоятельным, но и обладающим большим потенциалом теоретическим течением. Известный историк этой школы экономической мысли Дж. Кинг отмечал: “70-е годы были решающей декадой для посткейнсианцев. В те годы они определили себя в качестве отдельной школы мысли с собственной исследовательской программой или парадигмой и выстроили свои силы для прямого столкновения с ортодоксальной теорией”. В самом деле, методология, разработанная посткейнсианской школой, содержит альтернативные решения по коренным проблемам социально-экономического развития. В целостном виде они получили обозначение *критического реализма*. Посткейнсианская концепция характеризуется регулируемым распределением национального продукта, политикой смягчения существующего разрыва между богатыми и бедными, выдвиганием на первый план задачи поддержания высокого уровня занятости и обеспечения каждому достойного заработка и достойной жизни.

Ничего подобного либеральная ортодоксия предложить не может, так как она замкнута в раз и навсегда принятую систему неизменных аксиом. Посткейнсианство, напротив, открыто для притока новых идей и питается различными теоретическими источниками, которые сливаются в единый поток, образующий его потенциал. Большое число учёных разных стран внесли свой творческий вклад в посткейнсианскую экономическую теорию. Однако российских имён в этом списке нет. Посткейнсианство остаётся для нас за семью печатями. За исключением небольшой книги Сраффы, мало какая другая принадлежащая представителям этого направления работа переведена на русский язык. Можно сказать, что пока российские экономисты не знакомы с посткейнсианским направлением экономической мысли.

Утопия гомо экономикуса

В посткейнсианском экономическом учении имеется большой ряд фундаментальных подходов и положений, которые соответствуют нашим условиям куда больше, чем заимствованные из неолиберальных “святцев”. Поэтому необходимо хотя бы коротко показать, в чём правота и большая уверенность посткейнсианских принципов в сопоставлении с догмами неолиберальной (неоклассической) ортодоксии.

Первое. В основе неоклассической теории лежит гипотеза рационального экономического человека – гомо экономикус. Согласно ей, человек обладает исключительными вычислительными способностями и всегда максимизирует функцию полезности. Домашние хозяйства максимизируют стоимость приобретаемых благ, а фирмы – прибыль. Данная теория предполагает, что будущее всегда более или менее предсказуемо и достижимо. На этом, похоже, и покоились наши беспочвенные ожидания лучшего будущего с переходом к рынку.

Посткейнсианство утверждает другое. Будущее характеризуется **фундаментальной неопределённостью**, то есть в основе своей является непредсказуемым. Человек не обладает фантастическими вычислительными способностями и решения принимает между неизвестным будущим и безвозвратно ушедшим прошлым. Стало быть, в лучшем случае решения более или менее приближены к действительности, но не могут быть полностью адекватны ей.

Господство крупных корпораций и ожесточение конкуренции между ними, утверждают посткейнсианцы, изменили ситуацию. Основной целью добродетельной фирмы стала теперь не столько максимизация краткосрочной прибыли, сколько максимизация долгосрочного роста, что существенно меняет стратегию её развития. Аналогии максимизации прибыли посткейнсианство противопоставляет концепцию государства всеобщего благосостояния (*welfare state*).

Второе. Неоклассическая ортодоксия исходит из позитивистской методологии и рассматривает экономику как закрытую систему, связи которой, подобно явлениям природы, носят жёстко фиксированный характер, а потому анализирует её в логическом времени с помощью математически формализованных ограничений и допущений. Вследствие этого неоклассический мейнстрим впадает в виртуальный мир иллюзорных предположений и отрывается от реальности. Неоклассические модели состоят из замкнутого круга одновременных уравнений. В любой момент логического времени будущее предопределено точно так же, как и прошлое.

По методологии же критического реализма экономика рассматривается в историческом времени как открытая социальная система. Связи в ней носят подвижной характер и требуют учёта обстоятельств и времени. Профессор Оксфорда Р. Баскар по этому поводу пишет: “Согласно этой концепции, постоянное совпадение событий не является необходимым и достаточным условием признания действия закона причинности”. Согласно такому подходу, берущему своё начало у Маркса, познание окружающей реальности не сводится к констатации эмпирических фактов, а предполагает раскрытие лежащих в их основе внутренних механизмов. Как мне уже приходилось утверждать в “Кембриджском экономическом журнале”, критический реализм западных учёных очень близок, во многом даже повторяет разработки школы политической экономии Московского университета, возглавлявшейся видным политэкономом Цаголовым. Как показала история ещё раз, в российских условиях социальный конфликт играет столь большую роль, что неолиберальное сведение экономических проблем к техническим факторам сильно уступает традиционному для нас методу социального анализа.

Третье. По неоклассической концепции распределение в капиталистическом хозяйстве происходит следующим образом: прибыль выступает как предельный продукт капитала, а заработная плата – предельный продукт труда. Согласно же посткейнсианской концепции, распределение национального продукта определяется соотношением социально-классовых сил и осуществляется не по предельной производительности факторов, а по силе капитала одновременно с формированием цен на товары и услуги. Чем выше власть корпорации над рынком, утверждал М. Калецкий, тем большую надбавку на издержки они устанавливают, а значит, и получают большую прибыль.

Верность этой идеи полностью подтверждается российской практикой. С ростом цен и инфляции правительство борется так, как рекомендует ортодоксия – путём сдерживания денежного предложения, – однако успеха это не приносит. Инфляция всё время измеряется двухзначной цифрой. Почему? Потому что главная причина нашей инфляции не столько в избытке денег, сколько в господстве монополий, которые устанавливают такие цены на рынке, чтобы извлекать максимальную краткосрочную прибыль, а бессильный покупатель вынужден мириться с этим. Так, после снижения мировых цен на нефть ожидали, что цены на бензин у нас снизятся, как это было в других странах. Но этого не произошло, поскольку ни на каком другом рынке нефтяные монополии не имеют такой власти, как у нас.

Монетаристы “сливают масло из двигателя”

Четвёртое. Неолиберальная ортодоксия утверждает, что современная экономика так же, как и в эпоху *laissez-faire*, функционирует в соответствии с рыночными сигналами, универсальным носителем которых являются цены. Определяясь соотношением спроса и предложения, они якобы позволяют сопоставлять потребности рынка с возможностями их удовлетворения и, регулируя величину прибыли в разных отраслях, обеспечивают наиболее эффективное распределение ресурсов в экономике.

Посткейнсианство доказательно утверждает, что такой рыночный механизм действует лишь в краткосрочном периоде. Цены в долгосрочном периоде определяются условиями производства, социальными факторами и распределением вновь созданной стоимости между трудом и капиталом, а также между различными группировками капиталистов. В современной экономике лишь меньшая доля цен складывается в результате конкуренции, а в основном они **устанавливаются** ведущими корпорациями по формуле: издержки

производства плюс надбавка, образующая прибыль. Когда меняется спрос, то, скорее всего, меняется не цена, а объём товарного предложения.

Пятое. Рыночная экономика, предоставленная самой себе, утверждает мейнстрим, стремится к равновесию и, подобно движению планет по орбитам, развивается по заданной благоприятной траектории. Так что экономика пребывает в равновесии, а всякое вмешательство в хозяйственную жизнь вредно.

Посткейнсианство, напротив, считает, что предоставленная своим внутренним силам рыночная экономика рано или поздно отклоняется от равновесия и вступает в кризис. Путём регулирования экономики государство способно если не исключить, то значительно ослабить негативные последствия кризисного спада.

Шестое. Неоклассическая трактовка денег, основанная на количественной теории, предполагает, что они нейтральны и их предложение определяется государством. В противоположность этому, посткейнсианцы считают, что природа денег имеет эндогенный характер. Этот подход вытекает из понимания денег Дж. Кейнсом как института, страхующего благосостояние индивида перед лицом неопределённого будущего. Посткейнсианцы развили антилиберальный потенциал кейнсианского подхода, создав целостную альтернативную теорию. Их природа трактуется как эндогенная, то есть внутренне присущая экономике. Спрос на деньги рассматривается как порождаемый финансовыми потребностями фирм, вытекающими из их инвестиционной деятельности. Для финансирования капиталовложений выпускаются долговые обязательства и предоставляются банкам. Последние создают кредитные деньги, чтобы покрыть потребности бизнеса. С этой точки зрения, остроумно заметил посткейнсианец Рейнольдс: "...пытаться уменьшить инфляцию, ограничивая предложение денег, это всё равно, что пытаться притормозить автомобиль, сливая масло из его двигателя. В конечном счёте, это может сработать, но какой ценой!"

Этот саркастический довод вполне подходит к оценке негодных методов "монетаристов", заправляющих в российском Минфине и Центробанке.

Крайне негативный скандальный монетаристский раж российских властей вызвал отповедь даже со стороны самого Милтона Фридмана, который протестовал против отождествления политики российских властей с его учением (Friedman, 1999). Тем не менее, урок истории (если таковой вообще существует) в данном случае вполне очевиден: предложение денег носит эндогенный характер. Если бы это посткейнсианское положение было вовремя усвоено нашими властями, значительный ущерб нашей экономике мог быть предотвращён, и бремя нашего народа могло бы быть во многом облегчено.

Дурной сон олигарха: контролируемая собственность

Седьмой. Особый интерес для нас представляет концепция децентрализованного (индикативного) планирования, предложенная американским учёным А. Эйхнером. Он сформулировал стоимостное условие роста, под которым понимается группа цен, возмещающих стоимость как текущих издержек, так и издержек расширения. Таким образом, совокупность надбавок на издержки определяет распределение в экономике инвестиционных ресурсов и величину совокупного спроса. Вот почему необходим социальный контроль над крупным капиталом. Он осуществляется в форме индикативного планирования. В странах Запада отраслевые плановые комиссии, объединяющие представителей государства, управленцев фирм и профсоюзов, образуют основу этого механизма. Их целью является согласование таких ключевых параметров экономического роста, как **цены, заработная плата и инвестиции**. Правительство сводит вместе и обеспечивает макроэкономическую сбалансированность планов и решений отдельных компаний. В качестве вознаграждения за подчинение "плановой дисциплине" корпорации получают различные существенные привилегии, такие, например, как благоприятный налоговый режим, льготные кредиты, помощь в подготовке персонала и т. д.

Современный российский опыт не оставляет места для механизма спонтанной конкуренции, что подрывает неолиберальную теорию рыночного равновесия. Обосновываемое посткейнсианством естественное сочетание рынка и плановых механизмов представляется наиболее эффективным. Огромным преимуществом этой модели является её соответствие историческому опыту

и отечественному наследию экономической мысли, например, идеям координации плана и рынка, централизма и самостоятельности предприятий и корпораций.

Восьмое. Исходя из теории факторов производства и конкуренции за рабочие места, неолиберальная ортодоксия считает безработицу, во-первых, добровольной, ибо не работают якобы лишь те, кто требует больше своего трудового вклада; во-вторых, положительной чертой саморегулирующегося рынка, поскольку позволяет держать заработную плату на уровне предельного продукта труда.

Посткейнсианство решительно не согласно с такой трактовкой, позволяющей предпринимателям увековечить безработицу и поддерживать зарплату на уровне крайнего минимума. И то, и другое, утверждает оно, ведёт к усилению социального неравенства и несправедливости. Оно, наоборот, рассматривает умеренный рост заработной платы, во-первых, как условие смягчения социальной напряжённости в обществе; во-вторых, условие роста совокупного спроса как основного стимула экономики. Расход одного есть доход другого, и эта взаимозависимость запускает мультипликатор накачивания совокупного спроса и, тем самым, стимулы экономического роста.

Девятое. В соответствии с неоклассической концепцией факторов производства, в России сложилась такая система налогообложения, при которой тяжесть бремени одинаково ложится как на высокодоходные, так и на низкодоходные фирмы и домохозяйства. Для всех установлена одна и та же 13%-ная ставка подоходного налога и 20%-ная налога на прибыль.

Разработанная посткейнсианцами система налогообложения позволяет учитывать степень монополизма и другие факторы, благодаря которым может быть обеспечено, с одной стороны, социально более справедливое распределение налогового бремени, а с другой — более эффективное стимулирование экономического роста. На микроэкономическом уровне уровень монополизма определяет распределение доходов между работниками (зарплата рабочих, оклады служащих) и капиталистами (прибыль, рента, дивиденды). При таком подходе основное бремя налогообложения от малоимущих переносится к тому слою общества, который и без того неплохо богатеет.

Основным фактором, побуждающим предпринимателей к инвестициям, неоклассическая теория считает уровень процентной ставки. Чем она ниже, тем выше может быть ожидаемая доходность от инвестиций. Но реальность не подтверждает такую зависимость. Так, в первые годы реформ в России процентная ставка поднялась до небывалых высот, и этим объяснялось тогда отсутствие необходимых инвестиций. Но затем проценты за кредиты пошли на снижение, а инвестиций как не было, так и нет.

Посткейнсианство существенно дополнило график предельной эффективности капитала (инвестиций) Кейнса, и ставит инвестиции в зависимость от регулируемой цены в том виде, в каком она представлена формулой польского экономиста М. Калецкого. В ней размер надбавки над издержками увязывается с потребностями фирмы в инвестициях, а они — с экономическим ростом. Подобный принцип ценообразования гарантирует фирмам источник инвестиций и расширения производства. Это особенно важно для сегодняшней России, в которой реальный сектор задыхается от отсутствия инвестиций.

Наконец, посткейнсианство стоит на позициях признания разнообразия форм собственности, эффективность которой оно ставит в зависимость не от её формы — частной или государственной, — но от достигаемых ею результатов. Оно смыкается с социал-демократической концепцией контролируемой собственности, используемой не только для личного, но и для общественного благосостояния. Поэтому к осуществленному у нас массовому возврату к частной собственности, но при отсутствии эффективных собственников посткейнсианцы отнеслись с настороженностью. Для них важно не то, как она называется, а то, как она служит не только частному, но и общему благу.

* * *

К сожалению, предложенные экономистами посткейнсианского направления альтернативные разработки записным либералам во власти пришлось не ко двору. В то же время разочарование в неоклассической ортодоксии и её

отвержение породило в нашей академической среде предвзятое отношение ко всей западной экономической мысли как к чему-то чуждому и не подходящему для нас. Однако, как утверждалось в начале статьи, это справедливо отнести лишь к либеральному мейнстриму, за пределами которого имеется много интересного и крайне необходимого для нас. Поэтому нам не следует тратить силы на изобретение велосипеда, а надо воспользоваться жемчужинами западной экономической мысли, сочетая их с нашей спецификой и содержательными разработками отечественных экономистов, не присягнувших монетаризму.

Краткое резюме. Статья посвящена альтернативному взгляду на проблемы российской экономики с позиций посткейнсовской экономической теории. Анализируются неоклассические основы радикальных экономических реформ в бывшем СССР и демонстрируются их пагубные последствия. Посткейнсианство рассматривается как жизнеспособная и целостная альтернатива неоклассической ортодоксии. Демонстрируется вклад в это направление мысли Кейнса, Калецкого, Робинсона, Сраффы и некоторых других авторов. Исторические, культурные и социо-экономические условия, присущие России, трактуются как непреодолимое препятствие для любой стратегии неоклассических реформ. В работе рассматриваются девять теоретических моделей посткейнсианства, которые соответствуют российским условиям, особенно когда они синтезируются с некоторыми идеями отечественных экономистов. Взятый в целом, российский опыт построения капитализма понимается как уникальный эксперимент, тестирующий жизнеспособность неоклассической экономической теории. Разрушительные последствия этого теста подтверждают посткейнсианскую альтернативу.